

КРИСТИНА ЧУРИКОВА

НЕМЧИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кристина Чурикова
Немчик

«Автор»

2026

Чурикова К.

Немчик / К. Чурикова — «Автор», 2026

В 1992 году Антон и Вера Вальтер попали на поруки к бабушке Агате после бегства родителей от бандитов. Двойняшки выросли в окружении любви и заботы полукровной немки Агаты Рольфовны Вальтер, но Антон с детства вёл двойную игру. Он тесно дружит с сыном местного авторитета Ромой Громовым и шепутным корейцем Жожиком, пропитавшись порядками того мира, от которого так усердно ограждала бабушка. На дворе 1998 год, одиннадцатиклассникам Антону, Вере, Роме и Жожикю предстоит переступить черту взрослой жизни. Первая любовь, разочарование, неудобная правда, безденежье и отчаянное желание не увязнуть. Что такое школьный аттестат, если каждый проходит свой собственный экзамен?

© Чурикова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я такой же, как ты, хулиган.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кристина Чурикова

Немчик

Глава 1. Я такой же, как ты, хулиган.

Антон вздрогнул во сне и вскинул голову, издав на выдохе шумное «Ах!», когда сквозь дрему услышал патефон. Старый бабушкин любимчик закричал истёртую пластинку, разгоняя мелодию по всему дому. Антон знал наизусть почти все песни, которые звучали в обители бабули, и немудрено, ведь он с сестрой жил у неё с двенадцати лет.

Репертуар особо не менялся. В основном это были французские шансонье по типу Эдит Пиаф, немецкая эстрада её молодости и некоторые отечественные исполнители вроде Леонида Утёсова. По крайней мере, это те, кого он запомнил. Веселые мотивы отскакивали от винила, треща и наполняя помещение заводными аккордами пианино, а на переднем плане соловьём заливалась женщина с упругим звучным голосом. Она ярко выражено картавила, исполняя песню на французском с элементами кабаре, и очень эмоционально выделяла припев.

Блондин беззлобно закатил глаза и усмехнулся, узнавая песню «Милорд» Эдит Пиаф. По его подсчётам бабушка включала её примерно три раза в неделю, чаще с утра, как сейчас. Не без помощи бабушки он дословно знал и перевод, на автомате проговаривая слова на русском в голове.

Оглядывая комнату под музыкальное сопровождение, Антон потянулся к тумбочке и стащил с неё очки, водружая их на глаза. Парень выставил перед лицом руку, проверяя наручные часы, и оттянул уголок рта в сторону. 8:30.

Назревающая перспектива опоздать на первый урок отнюдь не порождала позитивных эмоций, хотя он и знал, что не высидит и половины расписания. Ему показалось странным, что патефон заиграл так поздно. Обычно он и служил им будильником — как изощренный метод ба вывести из царства Морфея креативным способом.

Видавшая виды кровать скрипнула, когда парень поднялся, отталкиваясь ладонями, и поплёлся в ванную, попутно надев школьные брюки, что погладила бабушка прошлым вечером и заботливо повесила на стул. В коридоре на втором этаже было прохладнее, чем в спальне.

Музыка играла намного ярче, обретя свободу от толстых стен спальни Антона. Если в комнате она звучала где-то на периферии, упорно пробиваясь через закрытую дверь, то теперь Антон чувствовал себя этим воспеваемым «Милордом», шаркающим к заветной ванной. Утреннее солнце подогревало спину, заливая коридор из окна рядом с лестницей на первый этаж, но и оно не могло спасти от промозглого холодка октября.

Комнатные тапочки дважды стукнулись подошвой о половицы, когда парень остановился рядом с дверью в спальню сестры. Он прислушался, пытаясь понять, началось ли движение за ней, и вскинул брови, осознав, что в комнате Веры непривычно тихо для такого времени.

— Вера? — позвал он, постучав три раза. — Я зайду? — Ответом была только музыка на фоне.

— Вер, я захожу, — предупредил он, перекрикивая музыку, и надавил на дверную ручку.

Дверь отъехала, открывая ему вид на хаос внутри. На полу были разбросаны листы бумаги, изрисованные простым карандашом: много различных изображений людей, леса за окном её спальни, милых котят, прытких лошадей, птиц. Антон пригляделся к обрывку рисунка, погребенного под листами с очевидными попытками нарисовать разные породы попугаев, и присел на корточки, поправляя очки.

Он поддел лист пальцами и вытянул на поверхность, взявшись за изображение второй рукой. Невольно на его лице появилась улыбка при виде знакомого портрета. Бабушка смот-

рела оттуда большими выразительными глазами серого цвета. У Веры точно получилось передать её рассудительный, пронизательный взгляд, коим она владела чуть ли не с рождения. Он хмыкнул, узнавая восходящие брови ба, делающие лицо всегда немного удивленным. Будучи блондинкой от природы, она красила брови светло-коричневой краской, чтобы они не блекли на фоне избытка белого. Короткий вздернутый нос, заостренные губы — всё это принадлежало ба.

Она имела длинные ноги, за счет чего выглядела высокой. В свои пятьдесят восемь Агата Рольфовна была стройной женщиной с короткой стрижкой, которую постоянно оформляла в пышную прическу на манер 1950-х.

Антон посмотрел вправо. Вера спала в кровати, раскинувшись на ней, будто вернулась глубокой ночью со смены на заводе. Музыка не беспокоила сон девушки, но стрелки часов неумолимо ползли к 9:30, когда должны начаться уроки, а Вера бы точно занималась самобичеванием всю предстоящую неделю, если бы опоздала хоть на секунду.

Опять рисовала допоздна...

Антон усмехнулся своей мысли и выпрямился, подходя к постели сестры, переступая через художества, как по минному полю.

— Вер! Вера! — он тормошил её за плечи, на что блондинка хмурилась во сне и отворачивала сморщенный нос от него. Немного подумав, Антон добавил. — Опоздали, Вер! Капец! Вставай давай! Сиваконь нас с говном сожрет!

И это подействовало. Девушка распахнула глаза и подскочила в постели, словно её окатили из ведра ледяной водой. Она часто задышала, будто произошла катастрофа, и устремила округленные глазёнки на брата.

— Как опоздали?! Почему ты не разбудил? Я же...у меня доклад! Блин... — блондинка хлопнула руками по одеялу с оленем и запустила пальцы в волосы, еще больше лохматя ровно стриженное каре. Антон крикнул со смеху, видя, как взметнулась её чёлка, топорщась ирокезом. — Да что смешного?!

— Ладно, ладно, осади, — брат смеялся, пальцами выравнивая ей чёлку. — есть еще время. Я сейчас в ванную метнусь по-бырому, а ты тут приберись, пока ба не увидела.

Он протопал к порогу и прикрыл за собой дверь. Мелодия сменилась. Теперь играла композиция «Non, je ne regrette rien» той же певицы. Антон вытащил белое полотенце из небольшого комода и закинул его на плечо, заходя в ванную. Щелкнув выключателем, он сразу столкнулся со своим отражением в зеркале над раковиной. Комната представляла собой маленькое пространство, где от раковины до унитаза была всего пара шагов. По правую руку парня стояла ванна с голубой шторкой и средствами для стирки под ней. Рядом с ванной кое-как вмещалась стиральная машинка. Сама ванная была отделана фисташковой плиткой, чтобы не раздражала глаз. Такой минималистичный дизайн. Хотя, он не сомневался, будь комната больше, бабушка и сюда бы добралась со своим придирчивым вкусом.

Он плескал в лицо холодной водой, зачерпывая её в ладони, и слегка притопывал ногой в такт тянущемуся мотиву. Остатки влаги он распределил по белым волосам, чувствуя, как приятно немеет кожа, как от ментоловой зубной пасты. Пока зубная щетка шустро шуршала у него во рту, Антон изучал ссадины на груди, плечах и животе. Повреждения имели застарелый вид, по меньшей мере двухнедельный, и уже были едва заметны, но парень всё ещё видел темные разводы, будто на плохо отстиранной ткани. Результат дискотеки в местном ДК. Антон, Рома и Жожик весело проводили время, танцуя под Ласковый май, когда появились пацаны из соседнего посёлка. Они не слишком жаловали чужаков, считая посёлок исключительно своей территорией, а Рома так и вовсе был убежден, что «каждый должен выебываться в **своём** дворе». Первым драку спровоцировал Жожик, харкнув одному из пришлых в банку с пивом. Трое на троих. Другие двое приезжих стояли в тени, пока Рома Гром с друзьями возил по танцполу

несчастных бедолаг. В какой-то момент Антон перестарался, услышав хруст, а затем безумный вой противника. Кажется, он сломал ему руку, хотя был не до конца уверен.

Не так уж сильно Антон давил, по его мнению, но не исключал, что мог не рассчитать. Для одиннадцатиклассника парень был довольно развит физически. Они всей троицей проводили массу времени в спортзале, посещали одну секцию по боксу, а летом устраивали заплывы на скорость в местной речке. В свои восемнадцать блондин имел широкие плечи, развитую грудную клетку, узкие бедра и выраженный рельеф мышц. Когда школьная медсестра измеряла его рост в сентябре, он уже достигал отметки 1 м 90 см. Антон был поджарым, от чего телосложение хорошо гармонировало с возрастом, делая парня привлекательным.

В целом Антон всегда был симпатичным. Будучи ребёнком он вызывал вздохи умиления у прохожих, благодаря большим серым глазам, природному холодному блонду и прелестным губам бантиком. По мере взросления черты его заострились, утрачивая детскость и обрстая мужеством. До первой встречи с ба он задавался вопросом: «Почему такая разница во внешности с родителями?»

Мать Антона — Лорелея приходилась родной дочерью Агате Рольфовне, но полностью пошла в покойного папу, переняв от него каштановые волосы и темно-зеленые глаза. Рольф — дед Лорелеи и отец бабушки Агаты имел немецкое происхождение. Он женился на русской девушке и переехал в СССР, до конца дней работая переводчиком. Именно Рольф Вальтер и положил начало сероглазым блондинам в их семье. Алексей — отец Антона и Веры так и не смог смириться с тем, что ни один из детей не взял ничего от него. Хотя сейчас Антон бы с ним поспорил, ведь сам Алексей обладал развитой мускулатурой и широким размахом плеч, какие приобрел и сын.

Вспоминая родителей, Антон всегда чувствовал упавший валун где-то внутри. Они с сестрой не видели мать и отца уже шесть лет с тех пор, как у Алексея на работе возникли неприятности. Судя по спешному отъезду из Екатеринбурга, эти неприятности были серьезными. Детей особо не посвящали в детали, Антон узнал от бабушки только в седьмом классе, что отец спутался с бандитами. До этого долгое время звучала придуманная взрослыми версия о том, что им нужно уехать на заработки. По этой причине Веру и Антона приютила ба летом 1992 года. Родители уехали, напоследок пообещав забрать их, как только смогут, и первый год Антон верил в их возвращение. Однако позднее стало ясно, что обещание матери зависло в подвешенном состоянии.

Иногда родители присылали какое-то количество денег, это случалось редко, но тем и ограничивалось. Ни писем, ни телеграмм, ни сообщений, ни звонков. Всё в рамках тщательной конспирации, чтобы преследователи не вышли на след детей. Антон не знал, где сейчас мать и отец, да что там, он вообще никогда не знал этого со дня их отъезда.

Более того, с двенадцати лет Антон и Вера стали носить не только другую фамилию, но и отчество. Лора сочла это необходимым, чтобы обеспечить максимум безопасности для них. В случае чего искать будут Преображенских, так? И, соответственно, ориентироваться на отчество Алексея. Вряд ли кому придет в голову шерстить, скажем, немецкие фамилии. Мать переадресовала отпрысков на свою девичью и сменила их отчество, указав в документах имя деда.

Антон Рольфович Вальтер. Было так непривычно уживаться с таким замысловатым набором, но и выбирать ему не пришлось. Вскоре он вполне свыкся с экзотической природой своего имени, а потом и вовсе нашел как нельзя подходящей образу «немецкого» блондинчика.

«Ну, ты ариец, ёпта!»

Вырвалось у Жожика, когда Антон впервые переступил порог их класса. Одноклассники с любопытством разглядывали «белых ворон», пока они с Верой ждали, за какую парту определит их учитель. Рома тогда посмотрел на него как-то странно, словно настороженно, а вот на Вере его взгляд разглядился так, что можно было разглядеть ирам над бровью.

Потом произошла перепалка с Костей Зубровым — мальчишкой из класса. Когда учитель отлучилась к директору, чтобы прояснить нюансы, тучный парень со струпьями на щеках и желтыми зубами приказал Антону вытереть доску. Класс замер в ожидании, со жгучим любопытством гадая, как отреагирует новенький. Вера перевела на брата встревоженные глаза, напоминая запуганного зайчонка. Прежде Антон не сталкивался с типами, подобными Зуброву, и никогда не дрался, поэтому просто застыл на месте, буравя толстяка ледяными кварцами из-под линз очков.

— Ты че, немчура, оглох?! — хриплым наглым голосом протянул Зубров, но назревающий конфликт прервал вернувшийся учитель.

Эта ситуация не прошла для Антона бесследно. Опускаясь за парту, указанную учителем, он зыркнул на Костю так, что вполне мог полоснуть ему щёку, не прикасаясь. Пыл подогревала Вера, которая сидела рядом, боясь пошевелиться, дабы не привлечь ненужного внимания. Она вся съезжилась, явно ощущая себя, как на пороховой бочке, и опасливо поглядывала на тучного мальчишку. Необузданная ярость закипела в блондине. Жирдяй унизил его перед классом, перед родной сестрой, но больше Антон злился на себя, тупо застывшего в растерянности. Уезжая, отец сказал ему, что он, как единственный мужчина в доме, должен быть опорой и защитой для бабушки и сестры, а что вышло на деле? Стоял, как истукан, проглатывая откровенное оскорбление.

Исполненный решимостью, Антон каллиграфическим почерком нацарапал ручкой записку и кинул на парту Зуброва, скомкав листок в шарик, пока учитель повернулась спиной. Толстяк лениво посмотрел на послание, отнял руку от подбородка, который подпирал весь урок, и, грузно выдохнув, развернул шарик.

Прошла минута, прежде чем Зубров ослабился, кидая на Антона многообещающий взгляд. Он кивнул и бросил записку на парту Ромы и Жожика, стреляя бровями в направлении блондина. Те двое усмехнулись, разрывая клочок бумаги. Вечер обещал быть интересным.

После уроков Антон сказал Вере подождать его в фойе, а сам пошел за школу к месту назначения. Там его уже поджидала троица в полном составе. Он почувствовал, как похолодели руки, а кишечник придавило чем-то тяжелым. Накатила предательская дрожь, сердце застучало почти истерично, появилась лихорадочная мысль развернуться и бежать, но блондин задвинул её подальше, стиснув зубы и спрятав руки в карманы куртки.

— Че, Фриц, пришел извиниться? — Зубров сплюнул желтую слюну на землю и обнажил ряд покрытых налётом зубов. Рома и Жожик тихо посмеивались за его спиной, не без интереса наблюдая за развитием событий.

— Ты вёл себя неподобающе!.. — начал Антон, перебитый каркающим смехом Кости, вскинувшего брови после последнего слова.

— Неподобающе...ха-ха! — перекивлял он, глядя на лица дружков через плечо. — Ты че, интеллигенция дохуя, белобрысый? — он подошел ближе и ощутимо толкнул Антона в плечи, от чего тот едва устоял на ногах.

Гримаса злобы исказила лицо Антона. Он рванул вперед и толкнул в ответ, с удовлетворением отмечая, что толстяк беспомощно покачнулся, размахивая руками, чтобы поймать равновесие.

— Тебе пиздец! — выплюнул Зубров и прыгнул на Антона, метая кулаком в нос. Блондин шумно выдохнул и согнулся, чувствуя, как искры боли разлетелись фейерверком. Сморгнув слёзы, Антон провёл пальцами под носом, утирая тонкую струйку крови. — Ещё поддать, мудила?!

Не дожидаясь, пока противник придет в себя, Зубров ударил с колена в живот, лишая Антона возможности дышать. Земля собралась под ногтями, когда блондин упал, выставив ладони. Очки слетели, а без них мальчик едва ли мог разглядеть хоть что-то дальше собственного носа.

— Тебе это не надо, — Костя поднял очки, потряс ими в воздухе и отшвырнул, тут же получая неодобрительный взгляд Ромы. — сейчас уделаю тебя по-быстрому и по домам!

Толстяк уже замахнулся, готовясь нанести новый удар, но Ромка оглушительно свистнул.

— Слышь, а ну, дёрнул стоп-кран! — властно произнёс мальчик с яркой, диковатой внешностью. — Не по-пацански делаешь!

— Во-во, ёпта! — кивнул Жожик, выступая вперед и прикрывая собой Антона. — Фары пацану верни!

— Да вы че, пацаны?.. — Зубров сглотнул, отступая и теряя браваду. — За этого Фрица пишется?!

— Фриц тебя чуть не завалил... — с ехидцей хмыкнул Рома. — а в стёклах, наверно, и по морде бы заехал, если бы видел, куда лунить.

— За зенками суетнулся, ёпта! — Жожик нахмурился, потянув Зуброва за грудки одной рукой и отбрасывая от себя.

— Я не видел, куда кинул... — хныкающим тоном промямлил толстяк, растерянно оглядывая землю.

— Ищи, сука! — рыкнул Рома. — Времени у тебядохуя. Мы не торопимся.

Сквозь размытые очертания двора Антон увидел протянутую руку. Жожка наклонился к нему, оттягивая уголок рта в полуулыбке. Напрягая зрение, блондин ухватился за грубую ладонь корейчика и поднялся на ноги.

— Ты это...не думай там, что мы беспредельщики какие. У нас всё по чесноку, ёпта... — тон Жожика был отчасти виноватым, будто он лично отвечал за благонадежность Зуброва.

— Всё нормально, — отмахнулся Антон, всё ещё пытаясь поймать фокус на лице корейца. От короткого диалога их отвлёк выкрик Ромки.

— Че воешь, баран?! — он грозно нависал над Костей, рыскающим в траве в поисках очков. Толстяк ревел, как маленький ребёнок, хрюкая при попытке проглотить соплю. — Сука, если не найдешь, я тебе переёбу чем-нибудь!

— Да пошёл ты! — Зубров вдруг подскочил, розжа его блестела от слёз и соплей, он потянулся, чтобы оттолкнуть Ромку, но мальчишка увернулся от грязных лап, и жирдяй, поскользнувшись, оказался на земле.

— Жан Клод Ван Даун! — хохотнул Жожка, тыча локтем в живот Антону.

— Так! Это что ещё за безобразие?! — все трое подняли головы на раскрытое окно в кабинете математики. Оттуда, перегнувшись, кричала пожилая учительница в очках с цепочкой.

— Драпаем! — скомандовал Рома и подбежал к Жожике, становясь по другую сторону от Антона. — Взяли! — мальчики схватили его под руки и рванули прочь со школьного двора, бросив Зуброва перекрикиваться с училкой.

Антон просто перебирал ногами, стараясь не чинить препятствий своим провозжатым, пока они удирали по проселочной дороге. Внезапно хлесткое напоминание ошпарило его.

— Стойте! Там сестра! Вера в фойе! — кричал он, кивая головой на здание школы, пока ребята замедлялись, переводя дух.

— Ладно... — протянул Рома, щурясь. — я приведу.

Хватка слева исчезла, когда брюнет разжал руки и бросился назад, придерживая по пути шапку. Они не успели убежать далеко, но этого хватило, чтобы математичка потереяла их из вида.

— А неплохо ты его боднул-то... — Жожка просиял, сужая и без того узкие глаза в улыбке. — реально, я думал, кабан землю проломит, если свалится!

— Да ладно...я просто... — Антон не знал, что на это ответить. Он чувствовал себя горностаем на чёрных камнях. Уязвимо и неловко.

— Та хорош скромничать! — кореец потрепал его по плечу. — Я сразу понял, очкарик зверь-ёпта! Не затерпел, позвал Костяна раз на раз. Мы таких пацанов уважаем! Я кстати Гоша. Ну, чаще все зовут Жожсей.

— Почему? — Блондин свёл брови.

— А так короче, — пробубнил кореец, поведя плечом.

— Ясно...я Антон.

— Большие похож на Ганса! — хохотнул Жожик, на что блондин закатил глаза. — Та ладно, маузер, не напрягайся, я прикалываюсь!

— Маузер?.. — блондин сощурился так, что верхняя губа слегка приподнялась.

— Ну, ты ж Вальтер! — воскликнул Гоша, будто это всё объясняло, и цокнул, не находя понимания. — Ну, пистолет типа! Вальтер там...маузер... — перечислил корейчик знакомые слова из фильмов.

Антон хмыкнул, поглядывая на него искоса. Естественно он слышал о существовании такого оружия, но ему не приходило в голову отождествлять себя с ним.

— О! Идут! — Жожка ткнул пальцем в две шагающие фигуры. Ромка шел, расправив плечи и засунув руки в карманы спортивных, а Вера семенила рядом с ним, прижимая к груди ранец.

По мере приближения мутные тени приобрели слабые очертания, и Антон улыбнулся, различив холодный блонд сестры. Она тут же юркнула к нему, хватая брата за руку ледяными пальцами.

— Тоша, что с тобой? — тихий, дрожащий голос Веры раздался у самого уха. — У тебя кровь... — она произнесла это так, словно расплачется с минуты на минуту.

— Да пустяки, маленькая, — брат вытер засохшую корку рукавом и выдавил улыбку. — так...дерево не заметил... — он неопределенно пожал плечами, тут же слыша два коротких смешка.

— Дерево сейчас как раз у директора сидит, сто пудов! — Ромка переглянулся с Гошей, и они оба состроили лукавые гримасы.

— Внатуре? — Жожка вскинул брови.

— Ага. Мы когда за ворота выходили, его математичка за шкварник вела.

— Думаешь, стуканет, ёпта?

— Пусть попробует... — Рома красноречиво стукнул кулаком об ладонь. — ты это, братуха, не серчай там, — он смотрел на Антона, приподняв подбородок. — мы-то по началу смекнули, что ты терпила, а оно вон как... — Громов кивнул, довольно усмехнувшись. — не очканул кабана.

— Вы с ним разве не друзья? — спросил Антон, и вопрос повис в воздухе, пока мальчишки поджимали губы в раздражении.

— Мы с беспредельщиками дружбу не водим. — отрезал брюнет, хмурясь. — Косяков за ним нормально накопилось. Но наезжать при девчонке... — карие глаза невольно скользнули по лицу Веры. — и окуляры выкидывать — это уже дно.

— Ахуевший бабкин внук, ёпта... — добавил Жожик, кривясь при воспоминании.

— А ты вот пацан ровный! — вдруг повеселел Ромка. — Я Рома Громов, если что, — он протянул руку, и Антон пожал её на автомате. — так что, если че, можешь с нами двигаться.

Антон сканировал радужками своих новоявленных знакомых. Вернее, их мутные силуэты. Первый день в новой школе прошел поистине «искромётно». Он подрался, если можно так назвать, спустил по социальной лестнице мерзкого типа и, вроде как, обзавёлся сторонниками. Блестяще. Эти двое не шли в сравнение с ребятами из школы в Екатеринбурге.

Бывшие одноклассники вели себя подчеркнуто вежливо, даже церемониально, как и подобает детям, чьи родители имеют доход выше среднего. Они бы ни за что не ввязались в драку, считая это ниже своего достоинства. Либо просто не желая замарать дорогие вещи. Притворство было их каждодневным ритуалом, и показное дружелюбие испарялось, как только заканчивались уроки. В этих же двух парнишках на удивление чувствовалась прямота и неподдельная человечность, как бы странно это ни звучало. Не было необходимости притворяться, Антон чувствовал комфорт рядом с ними. Будто в подтверждение его мыслей Рома вынул из кармана что-то сверкнувшее на солнце.

— На вот кстати, — он держал очки за оправу, протягивая блондину. — я же сразу их подобрал, а кабана решил проучить, чтобы неповадно было...

— Тош, ты скоро? — Вера появилась в дверях, прижимаясь щекой к косяку. Видимо, долгое ожидание её утомило. Антон сморгнул, возвращаясь в реальность, и закрутил ручки крана.

— Я всё, — объявил он и протиснулся между сестрой и узким свободным пространством, выскользнув из ванной.

Парень на ходу вытер лицо и закинул полотенце на дверь своей спальни. Музыка продолжала отскакивать от стен коридора, пока он спускался с винтовой лестницы из красного дерева. Из того же материала были обиты стены коридора на втором этаже. До середины тянулись бордовые панели, а ближе к потолку переплетались винтажные розы на бежевых обоях. На первом этаже стены были выкрашены краской пудрового цвета, она была универсальной для кухни, гостиной и спальни бабушки. Слишком уж ба любила этот цвет. В разных частях холла стояли цветы в высоких китайских вазах, от кухни и до гостиной висело разнообразие семейных фото, а разбавляли их классические картины. Антон по привычке мазнул взглядом по Девятому валу Айвазовского, не переставая поражаться таланту художника, изобразившего море и небо так реалистично, что, казалось, перед ним фрагмент настоящей жизни.

Из кухни потянулся сладкий аромат ванильного сахара и аппетитный запах муки. Они перемешивались с фруктовым парфюмом бабушки, источавшим шлейф спелого винограда, и клубничным вареньем, которое ба выкладывала на блюде ложечкой.

Антон вошел на кухню под песню Клавдии Шульженко и тут же почувствовал тёплые объятия жара от плиты. Он сел за стол, наблюдая, как бабушка суетится у шкафчиков, ловко вынимая расписанные подглазурной росписью тарелки.

— Проснулся, мой хороший? — женщина заулыбалась, и её серые глаза наполнились нежностью. — Доброе утро, Антон! — бабушка бегло чмокнула его, оставляя след от красной помады на щеке внука, и поставила перед ним тарелку. — Такой казус! — она хлопнула в ладони, качая головой. — Я имела наглость проспать! А вместе со мной и вы. Ну, ничего-ничего, без завтрака никто не уйдет! — бойко заявила она, выставляя в центр стола блюдо с горой панкейков. На вершине пирамиды таял кубик масла, а недалеко от блюда стояли блюдца с вареньем и сгущенкой на выбор.

— Доброе, ба, — запоздало сказал парень, обмакивая панкейк в сгущенку. — как спалось?

— Замечательно! — Женщина взяла салфетку из салфетницы и оттерла помаду от щеки внука. — Вечно забываю... — она махнула рукой, как бы сетуя на дурную привычку. — где твоя рубашка?! — Агата немного подкинула тональность, замечая голый торс.

Антон будто только сейчас вспомнил об отсутствии верха. Он выпучил глаза и за малым не подавился кусочком лакомства, заполнившего рот вместе со сгущенкой.

— Наверно, оставил в комнате... — он уже собрался встать, но Агата Рольфовна командирским жестом провела кистью сверху-вниз по воздуху.

— Я принесу. Ешь скорее, времени мало, — она коснулась его плеча фалангами пальцев, и Антон отметил новый цвет её ногтей. *Сегодня сиреневый*. Ба вышла, а за ней полетел след винограда и взбитых сливок. Яркие, приятные, уютные духи, как сама их владелица.

Патефон наполнял первый этаж музыкальным аккомпанементом, а блондин жевал вкуснейшие в мире панкейки, как он сам считал. Ба всю жизнь проработала поваром в ресторане Дивнодольска — соседнего городка. Любое блюдо выходило шедевром из-под её руки. Он посмотрел в том направлении, куда она ушла. Сегодня на ней была надета голубая водолазка почти без рукавов, серые бриджи с высокой посадкой и комнатные балетки. На голове высилась та же пышная причёска, а на ресницах неизменный слой туши. Ба давно вышла на пенсию, но не проходило дня, чтобы она не выглядела так, словно собирается давать показ мод времён стилинг. Несмотря на возраст, кожа бабушки едва подёрнулась морщинами, за исключением тех, что образовались в уголках рта — результат пережитого горя после утраты мужа. Она приобрела несколько пигментных пятен и стала наносить жирный крем на руки и шею, когда кожный покров начал иссушаться. Тем не менее, она по-прежнему оставалась утончённой красивой женщиной, от которой всегда пахло парфюмом и лаком для волос.

— Вот и мы! — ба пропустила вперед Веру, чуть задерживаясь под аркой в кухню. — Твоя рубашка, зайчик! — материя плавно коснулась его плеч, когда бабушка накинула рубашку, как мантию. — Верочка, давай, не зевай! — женщина сама положила ей в тарелку пару панкейков, пока внучка разглаживала на себе свитер, надетый поверх блузки. — Ой! Да красotka-красotka! — поцокала языком ба, заправляя локон ей за ухо. Вера улыбнулась в воротник и разломила панкейк пополам, обмакивая одну половину в варенье, а другую в сгущенку. — Моя девочка... такая прелесть!

Агата отступила, упираясь поясницей в столешницу тумбы, и скрестила на груди руки, с широкой улыбкой вгоняя Веру в краску.

— Да вы оба у меня лапушки! — она не сдержалась и чмокнула каждого поочередно, сразу же подавая салфетки внукам, чтобы те вытерли помаду со лбов. — Много сегодня уроков?

— Пять! — выпалила Вера, пока брат шурился, пытаясь вспомнить, какой вообще сегодня день. — Я полностью подготовилась!

— Да, я знаю... — со значением сказала бабушка, медленно кивнув. — твои отметки говорят за тебя.

Вера, гордая собой, засветилась от счастья. Девушка шла на красный аттестат и порой выполняла даже сверх заданного, чем нередко изумляла учителей.

— А ты, мой свет? — ба выгнула брови, переводя пронизательный взгляд на внука и тарабана пальцами по столешнице. — Еще не забыл, как выглядит учебник?

— Ну, ба-а-а... — протянул Антон, откидываясь на спинку стула.

— Что ба-а-а? Ну, что ба-а-а?! — спародировала она его манеру, на что Вера хихикнула. — Вот останешься на второй год, будет тебе ба-а-а! — женщина скорчила рожицу и усмехнулась. — Ну, правда, Антон, окончи ты это заведение ради всего святого! Они уже осточертели мне названивать и приглашать на советы профилактики.

— Ну, прости... — он робко посмотрел на неё щенячьими глазками, идентичными по цвету и форме с её.

— Родной, я понимаю, тебе это не интересно, но это необходимый жизненный этап. Я не требую от тебя медали, но просто... просто не усложняй себе жизнь, хорошо? Тебе еще в институт поступать... — бабушка погладила его по спине, устало улыбувшись.

Антон кивнул, мимолетно коснувшись её руки с тонким золотым браслетом и золотыми кольцами на пальцах. Внимание всех привлёк визг клаксона снаружи. Антон повернул голову и увидел в окне вишневую девятку Ромы.

— Пацаны приехали... — выдохнул Антон, застегивая пуговицы на рубашке.

— Так пусть зайдут! — внук хотел возразить, сославшись на опоздание, но бабушка уже вышла в коридор, открывая дверь. — Рома! Гоша! Идите сюда! — она с улыбкой махала им рукой, зазывая в дом.

Вскоре торопливые шаги друзей наполнили холл. Ромка предстал перед всеми в черных брюках, белой рубашке, с закатанными до локтей рукавами, и с черным галстуком на шее. Поверх этого классического выпада находилась черная олимпийка с тремя полосками. *Ну, естественно!*

Жожик был одет в коричневый джемпер с v-образным вырезом поверх мятного цвета рубашки и темно-синие джинсы. Агата Рольфовна никак не прокомментировала их «видок», изображая, будто всё в полном порядке.

— Здравсьте, тётя Агата... — подал голос Ромка. Язык не поворачивался называть эту женщину бабулей. — у вас так вкусно пахнет.

— Ммм...блины что ли? — облизнулся Жожа, принюхиваясь.

Женщина подняла вверх палец, как бы говоря «минутку», и прошмыгнула на кухню, хватая салфетки и беря в них по панкейку. Она вернулась к ребятам, выставляя перед ними еду.

— Вы не завтракали, берите!

— Ой, тётя Агат, да не надо!

— Да я пошутил, тётя Агат! Не нужно...

Она закатила глаза и ухмыльнулась, засовывая угощение прямо им в рот и прерывая потуги отказаться. Парни проглотили слова, заткнутые панкейками, и переняли их из рук бабушки Антона, держась пальцами под салфетки.

— Всё, едем. — блондин вышел из кухни, заправив рубашку в брюки, и снял с крючка в прихожей кожаную косуху, тут же просовывая руки в рукава. — Спасибо, ба, очень вкусно! — он на бегу чмокнул её в щёку и распахнул дверь. — Вер!

— Да-да! Я сейчас! — Девушка поднялась, расправляя складки на юбке, и уже взяла рюкзаки за лямки, как бабушка встала между ней и парнями.

— Вера, таблетки! — женщина выставила кверху ладонь, поднося ей пару зелено-белых капсул и стакан воды.

Блондинка сгребла их, закидывая в рот, и запила водой, вручая стакан обратно бабушке, а затем так же чмокнула её, торопясь уйти.

— От души, тётя Агат! Ну...то есть спасибо! — Исправил себя Гоша, когда Ромка несильно ударил его локтем в бок.

— Спасибо, Вы как всегда на высоте! — обронил Рома, таща под руку Жожу к выходу.

*****

— Идет тип в шко-о-лу-у! — хихикал Жожа, с плутоватой усмешкой следя за Ромкой, кидающим в него жгучие взгляды. — В г-а-а-лстук! В брю-у-ках! — тянул он нараспев, вытягиваясь и чуть склоняясь, намеренно притесняя друга плечом. — Как на выборы!

— Ебало стяни! — Рома наступил ему на кроссовок, но не сдержал улыбку. — Дебил блять...

— Кхм! — Антон прочистил горло в кулак, привлекая внимание друзей и кивая на Веру, хотя сам едва подавлял смех.

Рома и Жожик, как в судороге оттянули вниз углы рта и выпучили глаза, осекаясь. Они совсем забыли о присутствии девчонки, увлекшись дурачеством. Оба парня отвернулись, закинув друг другу на шеи руки, и прыснули со смеху от странной комичности момента.

Девятка Ромы ждала их на обочине дороги. Прошлепав по вязкой чавкающей земле, смешанной с илом, они поочередно окунули кроссовки в лужу после недавнего дождя.

— МадмАзель! — Жожик выпятил грудь, вставая боком к задней двери с видом швейцара, по меньшей мере, Букингемского дворца, и знаменательно обвёл машину рукой. — В знак

извинения за мат позвольте открыть Вам тарантайку! — он надавил на ручку, та поддалась, щёлкнув, и Жожа потянул дверь машины с тихим скрипом. — Ромыч, надо бы петли смазать...

— Да знаю я, — бросил он, запульнув бычком от сигареты в кусты, и запрыгнул на водителское, включая зажигание. — вечно из башки вылетает.

Вера прошла мимо Гоши и пригнула голову, садясь назад. Антон поравнялся с ним, докуривая ментоловый Ричмонд так, словно репетировал для конкурса «мистер Элегантность». Коричневая сигарета с золотистым ободком, отделяющим кремовый фильтр от тлеющей части, покоилась среди указательного и среднего пальца. Блондин почти экранно подносил её к губам, совсем нежно, словно целуя губы девушки, приминая кремовую часть и выдыхая клубы дыма через секунду после вдоха. Дым выходил медленно, извиваясь, как языки пламени, прежде чем раствориться.

— Лорд Байрон, ёптить... — покачал головой Жожа, сплюнув горькую слюну после порции Мальборо. — Стартуем, ёпта! — провозгласил он и прыгнул на заднее сиденье рядом с Верой.

Антон сел на пассажирское, заткнув кейс под ноги. Ромка выжал сцепление, а затем отпустил, мягко надавливая на газ, когда девятка покатила по дороге. Он, не глядя, ткнул пальцем в магнитола, и оттуда зашипело радио.

— *Доброе!.. *ииии*...нашим... *ииииииииии*...погода на сегодня...*

— Вот ё... — Рома оборвал себя на полуслове, когда в зеркале заднего вида мелькнуло хмурое лицо Веры. — штуковина хренова... — пробубнил он, чуть ли не ложась на руль и сводя брови.

— Я поищу, — Антон стал крутить волчок, перелистывая радиоволны, и вскоре зазвучала чистая громкая музыка.

— О-о! Оставь, Тохыч, оставь! — Жожик аж выбросился коброй к плечу блондина, за малым не визжа от восторга. — Это ж «Светочка» Круга! — кореец сиял так, словно артист прямо сейчас даёт концерт индивидуально для него.

К щекам Ромы вдруг прилила кровь, когда певец эффектно выдержал паузу, намекая на совсем другое слово в конце. Он кинул беглый взгляд на зеркало, чтобы отследить реакцию Веры, и явственно ощутил, как пылает лицо, замечая попытку девушки абстрагироваться.

Антон кивал, вторя мелодии, уголок его рта полз вверх, а ладонь отбивала ритм по колену. Ромка и Гоша часто слушали подобное, а потом и Антон пристрастился, но тщательно скрывал свои вкусы от бабушки. Как-то раз она застала его за игрой на гитаре, когда он разучивал аккорды незамысловатой дворовой песенки. После этого весь вечер был посвящен лекции о «правильном» вкусе интеллигентных юношей.

— К одной тебе... — подпевал Антон, отдаваясь моменту.

— Во даёт, ёпта! — Жожа пританцовывал на месте, так наслаждаясь песней, что заражал своим упоением и Вальтера. — Ромыч! — он хлопнул тыльной стороной ладони по лопатке друга, делающего вид, что всецело прикован к дороге. — Ты че не поёшь? Ты ж её наизусть знаешь!

Руки Ромы могли раздавить несчастный руль. Он стиснул его мёртвой хваткой после комментария Жожи до белых разводов и поджал губы, опуская брови ещё ниже.

— Я за рулём, если че! — огрызнулся брюнет, на что Гоша хмыкнул.

— Когда тебе это мешало, ёпта? Ну, ладно, ладно, рули, Шумахер... — корейчик усмехнулся и откинулся на сиденье, подложив руки под голову.

*****

В стенах школы как обычно стоял гул. Потоки учеников перетекали из класса в класс, оглушая пространство трескотней. Вакханалия из разговоров, кашля, гортанных смешков подростков, у которых только начал ломаться голос, била по ушам, выводя из равновесия. Обстановка напоминала рынок в самый разгар дня, за исключением отсутствия прилавков с продав-

цами. Ребята успели как раз вовремя. Мастерство Ромы сделало своё дело, и они уложились в считанные минуты до того, как «Сивка» проковылял в кабинет, шаркая туфлями.

Низкорослый коренастый мужчина семидесяти лет. На нём был серый костюм-двойка, который заметно большемерил, и бледно-желтая рубашка с темно-зеленым галстуком. Среди старшекласников гуляла шутка, что Сиваконь родился в этом костюме, но так и не смог догнать его по размеру. Никто в школе не мог припомнить, чтобы этот учитель хоть когда-нибудь пришел на работу в чем-то другом. Классный руководитель носил густые черные усы, через которые пробивалась седина, волосы на голове у него давно поредели, и блестящая под светом ламп лысина была обрамлена растительностью на висках и затылке. Щёки его обвисли, превратившись в брыли, и скрадывали без того тонкие губы. Из-под заросших седых бровей зыркали злобные «пороссячы» глазки, когда учитель одаривал класс враждебностью, переступая порог.

«Сивка», как звала его троица, особенно задержал взгляд на третьей и четвертой партах второго ряда, и, казалось, даже удивился, что те не пустуют.

— Вот они... поколение памперсов, понимаешь... — прокряхтел учитель, шаркая к столу и кидая классный журнал. — Громов, Лим, Вальтер. Работники ножа и топора. — он продолжал сверлить их исподлобья, а парни считали, сколько раз Сивка причмокнет губами за время разговора. — Возьму вас на олимпиаду по физике. Будете листочки раздавать, понимаешь. — Сивка причмокнул, завершая фразу, и Жожа показал приятелям шесть пальцев, пряча их под партой. — А чего это вы решили нас сегодня уважить своим присутствием? Похолодало на улице, понимаешь? — Сиваконь надел до неприличия огромные очки, через которые его мелкие глазёнки смотрелись мультяшными глазищами на пол-лица.

— Василий Юрьевич, ну, мы же как никак учиться хотим! — Жожа улыбнулся, обводя друзей рукой.

— Учитесь вы только приключения искать на жопу... — проворчал учитель, проходясь ручкой по клеточкам в журнале. — Хотя нет. В этом вы уже мэтры. Так сказать, эталонные шалопаи, понимаешь. Лим, принеси пользу обществу, посчитай отсутствующих. — распорядился мужчина.

— С удовольствием! — Гоша чересчур инициативно склонил голову в благодарном жесте и просканировал класс пытливым прищуром. — Кого нет — поднимите руку!

По рядам тут же прошелестели волны смешков. Ромка и Антон переглянулись, подавляя смех, а Вера ёрзала на стуле с идеальной осанкой, как дотошный журналист готовясь заполнить страницы информацией.

— Мозгов хоть продавай, Лим... — Сивка метнул в него полный презрения взор и влажно кашлянул в кулак. — лучше умственно полноценных попрошу. Староста здесь? — Линзы очков устремились на вторую парту третьего ряда. — Ксения? — одна часть парты пустовала. Сидящий за ней парень вальяжно откинулся на спинку стула, набирая воздух в лёгкие, чтобы ответить.

— Капец ты изменилась, Ксюх... — сострил Антон, глядя на одноклассника, и породил новый шквал смешков.

— Она сказала, что опоздает. — невозмутимо ответил рыжий парнишка, демонстративно игнорируя подкол.

Сиваконь кивнул, намереваясь поставить «н» в строке напротив фамилии Аристовой, но дверь класса распахнулась, впуская вошедшую.

— Извините за опоздание! — Ксения будто на расстоянии услышала, как рука учителя заносится над пустующей клеточкой, и ворвалась в кабинет, принося с собой прохладу улицы. — Я задержалась в приюте для животных! — тараторила она, стягивая с шеи синий шарф и сбрасывая кофейного цвета пальто. — Готовлю новую стенгазету для...

— Ксения, быстрее! — учитель потряс рукой в нервном жесте и карандашом ткнул на пустую часть парты рядом с рыжим парнем.

Аристова кивнула, втянув губы, и украдкой просочилась к своему месту. Она плюхнулась на стул, отбрасывая назад светло-русые выующиеся волосы, и выудила из рюкзака стопку каких-то научных журналов, принявшись с энтузиазмом переписывать из них что-то на бумагу. Сивка уже даже не пытался прерывать её, прекрасно зная, что скорее устанет от неуёмной энергии ученицы, чем убедит прекратить. В старосте было столько запала, что она вполне могла обеспечивать весь посёлок электричеством ближайшие лет сто, если бы вращала колесо наподобие белки. Не существовало школьного мероприятия, которое обошлось бы без участия Ксении. Любая эстафета, соревнования, концерт, классные часы обязательно несли в себе её отпечаток. Интересные статьи в коридорах, плакаты, стенгазета — всё дело рук Аристовой. Она была активисткой и за пределами школы, возглавляя субботники и посещая значные места, где могла бы почерпнуть новую идею для статей. Кроме того девушка увлекалась различной литературой, штудировав книги в школьной библиотеке.

— Альберт, есть замаска? — прошептала девушка под монотонную речь Сивки, излагавшего тему урока.

Рыжий перевёл на неё ленивый взгляд, словно делал одолжение.

— Нет. — бросил он, возвращая внимание учителю.

— Блин! — пискнула Ксюша, закусив губу. Она смотрела на пометку, как на величайшую ошибку в своей жизни, и растерянно моргала, не зная, что предпринять. Вдруг сбоку раздался короткий шипящий звук. Девушка повернула лицо в его направлении и напоролась на ухмылку Жожика.

— Давай сюда свою трагедию, — шептал он, протянув руку, постоянно следя за учителем, который чертил формулу мелом на доске.

Ксения заулыбалась, без задней мысли вручая парню лист бумаги. Жожик положил его перед собой и достал из кармана лезвие. Он наклонил его под определенным углом и принялся аккуратно сдирать слой чернил, сдувая катышки. На всё действие ушло минуты три, после чего корейчик, оценив работу, взял лист и воровато перегнулся вправо, отдавая его хозяйке.

Ксюша засветилась, в голубых «оленьих» глазах блеснула благодарность, сравнимая со спасением утопающего. Она немо проговорила «спасибо» одними губами, склоняясь к парню, чтобы забрать бумагу. Жожа задержал на ней взгляд, когда она уже во всю продолжила выводить буквы на листе, позабыв о нём.

— Блять! — вырвалось у Жожика, когда о затылок стукнулось что-то похожее на камень. Он зажмурился, выравниваясь за партой, и провёл по волосам, обнаруживая, что на тетрадь сыпется пыль от мела.

— Лим! — взревел Сивка, явно раздраженный поведением парня за сегодня. — У меня ещё целая коробка мела! — брыли старика тряслись, пока тот орал, забрызгивая слюной галстук.

— И че Вы хотите? Медаль? — подал голос Ромка, вытягивая ноги под партой и с вызовом глядя на учителя. Одноклассники перестали царапать ручками тетради и приковали внимание к нему. В их числе была и шатенка с первой парты на первом ряду.

Лицо мужчины вытянулось, клочки седых бровей взлетели на лоб, он сорвал очки, с силой швыряя их на стол. Рот Сивки произвольно открывался, пока тот заходил чистым гневом, не веря тому, что щенки смеют дерзить.

— Ты что себе позволяешь, Громов?! — прошипел он, содрогаясь от возмущения.

— А что Гоша такого сделал? — вклинился Антон, подоспев на подмогу. — Он даже слова не сказал, а вы мелом...

Казалось, Юрьевич воспарит к потолку, надувшись от злобы до багрового оттенка. Старой закалки учителя потрясала сама только мысль, что ученики могут перечить.

— Вышли вон. Все трое! — цедил Сивка через зубы, тыча пальцем в двери. Ещё не хватало оправдываться перед сопляками, когда можно попросту закрыть им рот.

Парням не пришлось повторять дважды. Они будто этого и ждали, подрываясь со своих мест вместе с рюкзаками. Вера проводила брата сочувствующим взглядом, на что он лишь подмигнул ей. Когда дверь за ребятами закрылась, Ксюша посмотрела на опустевшую парту Ромы и Жожи. Невнятный укол вины пробежался между рёбер, ведь если бы не она со своей помаркой, то и Лим не попал бы под раздачу. Под носом появился резкий запах корректора, и Ксения повернула голову к Альберту, мазнув волосами по воздуху. Елецкий замазывал кисточкой ошибку в тетради, не обращая внимание на озадаченный взгляд соседки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.